

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Мент обреченный

«Автор»

Кивинов А. В.

Мент обреченный / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы
разбитых фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ГЛАВА 1. Учитель	5
ГЛАВА 2. Дантист	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Кивинов

Мент обреченный

«Не хочу я этой игры. Может быть, так все и должно быть, может без этой игры нельзя. Может быть. Даже наверняка. Но я не могу... Не умею. И учиться даже не хочу...»

А. Стругацкий, Б. Стругацкий. «Град обреченный»

ГЛАВА 1. Учитель

Андрей пробежал глазами по витрине канцелярского отдела и, не найдя нужную ему вещь, обратился к продавщице:

– Девушка, глобусы есть?

– Вы тоже из милиции?

– Угу, – промычал, кивая, Андрей.

– Час назад последний купили. Лейтенант какой-то. Сходите на площадь, там большой магазин, наверное, еще остались.

– Спасибо, уже был.

Андрей на пару секунд замешкался у прилавка, не решаясь уйти сразу.

– Может, подойдет карта полушарий? Они у нас хорошего качества, – продавец указала пальчиком на стеллаж.

– Я уточню. Если что, вернусь, – ответил Андрей, прикидывая про себя, чем полушария хорошего качества отличаются от полушарий качества плохого. Может, на «плохих» полушариях Родина зеленого цвета?

Он улыбнулся девушке из канцелярского отдела и, протискиваясь сквозь толпу, пошел к выходу.

В пяти метрах от магазина пыхтел узик с брезентовым верхом. Сильный осенний ветер с залива полоскал брезент, и машина напоминала туристическую палатку путешественника, застигнутого ураганом в степи.

Андрей открыл скрипучую дверь и прыгнул на переднее сиденье. Закрыть дверь с первой попытки не получилось.

– Сильней, – подсказал водитель. Андрей шарнул так, что проходившие мимо граждане прыснули в стороны, а ребенок в коляске громко заплакал.

– Во, порядок, – с улыбкой одобрил водитель и включил передачу.

– Ну что, есть? – спросил Андрея сидящий сзади полноватый участковый.

– Час назад кончились. Лейтенант какой-то взял.

– Это Витька Сорокин, наверное. Мы на заявку ехали, он тут крутился.

– Палыч, карты полушарий есть. Может, проскочит вместо глобуса?

– Вряд ли, – покачал головой участковый. – В телеграмме сказано только насчет глобусов. Лучше не рисковать. Как-то не хочется без работы остаться.

– Где взять-то их? Ни в одном магазине нет. Раскупили за две недели. Продавцы обалдевают – никогда эти шарики не были ходовым товаром.

Андрей замолчал и уставился в лобовое стекло. К ветру добавился липкий, мокрый снег, водитель включил скрипучие щетки. Впереди возникла пробка, кто-то не мог завестись, машины замигали фарами и недовольно загудели клаксонами.

– Тьфу, черт, – стукнул по рулю водитель. – Мигалки нет, застрянем тут. Козлы, чинятся на полосе, не могут свое корыто на два метра вбок сдвинуть!

Слева, по встречной полосе, промчалась черная от грязи иномарка с бахромой смешанного с солью снега под крыльями.

– Давай, Серега, выруливай, фиг ли ждать? На заявку едем же!

Серега, беспрерывно ругаясь, принялся выкручивать тяжелый руль.

Андрей взглянул в боковое окошечко. Вдоль домов, почерневших от сырости, спешили люди, балансируя на скользком тротуаре, ныряли в двери магазинов, кабачков, учреждений. Работяги в желтых спецовках, разворотив асфальт, ковырялись в недрах, словно хирурги в кишках больного, добавляя грязи и без того грязной улице.

Наступление зимухи-зимы явилось неожиданностью только для коммунальных хозяйств, и ежегодные ссылки на сюрпризы природы воспринимались без понимания. Даже в маленьком городе не избежать Большого Бардака.

Штук десять бездомных собак, таких же запущенных, как и улица, сбившись в стаю, лавировали в толпе, пугая прохожих, оставляя мокрые следы на белых плащах, пальто и сапожках городских модниц. Бездомных собак развелось много, особенно здесь, в центре.

Андрей поежился, вспомнив, как пару недель назад на пустыре возле дома такая же свора окружила его и провожала до самого подъезда. Без лая, без какой-либо агрессивности. Но это и было самым неприятным. Что у этих четвероногих друзей на уме? Собаки сжимали кольцо плотнее, и последние три метра до дверей Андрей преодолел уже бегом. За дверьми он подумал об оставленном в сейфе пистолете, но потом решил, что пистолет в данной ситуации как рогатка против бронепоезда.

Узик дернулся и, едва не зацепив бампер стоявшего впереди «Запорожца», вырулил на встречную полосу.

Заявка, на которую ехали, была не сильно тревожная. Рядовая квартирная кража. В канцтовары завернули чисто по пути, пара-другая минут никакой роли не сыграют.

Еще минут пять потратили, чтобы попасть во двор – если бы приехали на «Жигулях», не попали бы вовсе. Узик, ревя, как раненный медведь, преодолевал прелести дворового дорожного покрытия.

Обворованная квартира оказалась на первом этаже. Из подвала тянуло вонючей сыростью, на исписанной баллончиками стене висели копченые, разбитые и изрезанные ножами почтовые ящики. Лампочки не было, Палыч нашел нужную дверь с помощью карманного фонарика.

Хозяйка лет сорока, как обычно бывает в подобных случаях, плакала, толком объяснить ничего не могла и показывала рукой в комнату.

– Ограбили, ограбили!!! Господи, ну что ж у меня брать-то! Почему?

Андрей указал Палычу на хозяйку, мол, займись, успокой, а сам заглянул в комнату.

Ничего оригинального. Обыкновенное чудо. Вещички из шкафов на полу, распахнутые дверцы трюмо, выдвинутые ящички. Открытое настежь окно. Грязные следы на подоконнике. Понятненько. Первый этаж, кусты. Сам Бог велел. Мелькнула мысль, что, возможно, ничего не пропало, обстановка-то соответствовала подъезду. Если так оно и есть, то достаточно сделать осмотр квартиры, взять заявку, а через три дня списать материал в архив по малозначительности.

Так оно не было. Хозяйка, немного успокоенная участковым, заявила, что из трюмо пропало обручальное кольцо, тысяч пятьдесят денег («Последние, ведь последние!») и акции трехлетней давности АО «АБВ» вместе с набегавшими процентами.

Андрей, выслушав, кивнул на окна и назидательно произнес:

– Вы бы хоть сеточку от комаров повесили.

– Зачем?

– Я ж говорю – от комаров.

Хозяйка не поняла и вновь принялась перечислять участковому безвозвратно пропавшее, словно обворованный Шпак из «Ивана Васильевича».

Телефона в квартире не оказалось, Андрей сходил к соседям, позвонил оттуда в дежурку, доложил и заказал группу – эксперта с дознавателем. Ничего не напишешь, такую кражу в архив не скинешь. Заодно поинтересовался, нет ли новых заяв. Заявы были, но не по его душу – скандалы, пьяные на скамейках и прочая бытовуха. В общем, дежурный срочно затребовал уазик в отдел.

Из обворованной квартиры донесся воодушевленный голос Палыча:

– Сколько волку не воровать, а рогатины не миновать, ха-ха-ха! Попадется, попадется.

Участковый вышел на порог, протянул оперу паспорт потерпевшей:

– Андрюха, телефон пашет?

– Пашет.

– Я звякну в бухгалтерию, говорят, сегодня депонент давали.

– Валяй.

Андрей достал бланки документов, опустил на табурет в прихожей. Потерпевшая, практически пришедшая в себя, замерла перед дверьми в комнату.

– Давайте по порядку. С кем живете, когда уходите-приходите, похищенное, подозрения... Да сядьте куда-нибудь, неудобно как-то...

Хозяйка принесла с кухни второй табурет.

Начала с подозрений.

– Кого подозревать-то? Мы ж с мужем не миллионеры, не богатей. Все богатство – пара колец да полтинник в трюмо.

– Муж чем занимается?

– А, – женщина махнула рукой, – что найдет, тем и занимается. Сейчас на стоянке дежурит. Я в жилконторе дворником. Сегодня с утра работала, в полдень – по магазинам пошла. Купить ничего не купила, погуляла... В два вернулась – и вот тебе. Подарочек к Рождеству.

– Понятно.

Андрей уточняющих вопросов не задавал, кража явно была из разряда серийных, типовых, если можно так сказать. Не стоило тратить время на ворошение биографий хозяев и поднятие пыли с их светлого или темного прошлого.

Он быстро набросал довольно стандартный текст, отметил более детально приметы кольца и дал расписаться хозяйке.

Ворча под нос, вернулся Палыч.

– Ни фиги! Никаких денег! Врут ведь! Слышь, Андрюха, врут внаглую! Я ведь точно знаю – Васька Бородин вчера получил. Ох! Ладно, ты дописывай, а я по этажам прошвырнусь, с жильцами потолкую.

– Ага, я помогу, начинай пока.

Андрей протянул женщине чистый лист, объяснил, как написать заявление, и еще раз заглянул в комнату. После чего подошел к окну и осмотрел след, который уже начал превращаться в грязную лужицу. Фабрика «Рекорд», размер сорок два, не больше. У Андрея дома валялись точно такие же кроссовки. Как, наверное, у четвертой части населения их небольшого города – летом открылись два фирменных магазина «Рекорд».

Рекордсмен, побывавший сегодня здесь, по привычным прикидкам был человеком опытным. Не терял время на тяжелый груз – вещи в шкафу остались нетронутыми. Брал только золотишко да бумажки – минимальная вероятность погореть на сбыте, зато более солидная добыча. Золотишко наверняка уже скинуто в ближайшем ларьке. Способ проникновения тоже ничем выдающимся не отличался.

Разбитая булыжником форточка, открытые шпингалеты...

Андрей вышел в подъезд. Палыч, дымя папиросой, спускался со второго этажа. Опер достал свои сигареты.

– Ну что?

– Покой и тишина в нашем городке. Человека не видели, звона битых стекол не слышали. Я позже справку напишу.

– Что само по себе и не ново. Это не твоя земля?

– Почти. Мой участок рядом.

– Ну и как насчет элемента? Третий случай в этом районе.

Сам Андрей территорию-землю знал плохо, он работал в отделе третий месяц – перевелся из другого района и обрасти «связями» среди элемента еще не успел, к тому же сегодняшняя кража тоже была не его, в том смысле, что не на его участке.

– Элемент? – Палыч пустил струю дыма в сторону почтовых ящиков. – Тут не район, а сплошной элемент... Можно, конечно, один адресок навестить. Года три назад мы Витьку Копылова прикрыли за такие вот форточненькие делишки. Шершавый у него кликуха. Не помню, сколько ему влепили, но, возможно, уже откинулся.

– Молодой?

– Да, лет двадцать пять. Сам-то он не здешний, но зазную из местных имеет. Светку Тимохину из двадцатого дома. Больно способ похож – камнем в форточку. Шершавый – мелкий, как пацан, святое дело по окнам ползать.

– Зайдем к Светке? Адрес помнишь?

– Можно. Тут рядом. – Палыч выкинул окурок в подвал.

Андрей предупредил женщину, что скоро (или нескоро) прибывает группа, дежурно попросил руками ничего не лапать и уточнить особые приметы кольца, слабо представляя, какие у обручального кольца могут быть особые приметы, после чего отправился за участковым.

– Зря машину отпустил, – проворчал Палыч, с трудом преодолевая огромную лужу в центре двора. – У меня не ботинки, а дуршлаг.

– Заявки были.

– Херня, подождали бы. Что там? Мордобой? Подумаешь, дело...

– Ты Светку в лицо знаешь?

– Еще б эту стервозу не знать. Она с пятнадцати лет у нас светится. Светик-пустоцветик. Прикинь, одна в трехкомнатной хате. Сначала водкой спекулировала, потом травкой.

– Судима?

– Везучая. Два раза со статьи соскакивала. О, слушай-ка! Я вспомнил, где глобусы поискать можно! Вон в том доме заводилом живет. Книжного магазина. Я хорошо ее знаю, попрошу.

– В книжном вряд ли глобусы бывают.

– Бывают, сам как-то видал.

– Что ж не купил?

– Кто ж знал, что пригодится? Тьфу! Хорошо, не просят ставить в кабинетах скелеты мамонтов или заспиртованных лягушек.

– Ну, еще не вечер. Заставят.

– Психушка. Все, пришли. Осторожнее, здесь яма глубокая, второй год закопать не могут, дармоеды. Я раньше в жилконтору двери ногой открывал да дворников штрафовал направо-налево. Ни одной ямы или свалки на территории не было. А сейчас попробуй оштрафуй. Нет денег! Нет! Яму засыпать? Платите

– засыплем. Дожили. Участковый должен платить дворнику, чтобы тот говно собачье с территории убрал. Мол, мы, дворники, на госпайке. А вы, милиция, как раз и есть государство... Платите. Ке-пе-та-лизм, мать их...

Этот подъезд тоже благоухал, хотя и имел кодовый замок, код коего Палыч подобрал с первой попытки. Почтовые ящики также пошли на дрова юным друзьям пожарных, а цоколь лампочки грустил в темном одиночестве.

Светка Тимохина оказалась дома, дверь открыла сразу, без осторожного «Кто?». Увидев перед собой Палыча, распереживалась и замерла на пороге в позе акулы, готовой напасть на зазевавшуюся рыбку. Андрей отметил, что челюсть у Светочки скорее лошадиная, нежели акулья, и как-то сразу хотелось задать ей силоса.

(Дурак ты, оперуполномоченный Воронов, ох дурак!)

– Здравствуй, Светик! – Палыч сразу же подставил ногу под дверь.

– А в чем дело-то?

– Здраваться, наверное, надо. Этикетку соблюдать.

– Ну, здравствуйте.

– В гостипустишь?

– Зачем?

– Посмотрим, как живешь.

– Спасибочки за заботу. После ваших просмотров то мешок с наркотой найду в шкафу, то шмотки ворованные под кроватью. Отдувайся потом после вас...

Палыч в процессе Светкиного ответа отодвинул девушку в сторону и, оставляя на ковровой дорожке дворовую грязь, ринулся напрямик к упомянутому шкафу.

– Ну-ка, посмотрим.

– Да как вы... Я буду жа...

– Заткнись.

Палыч распахнул створки, оценил пару висящих в шкафу платьев, лежащую внизу кучу тряпья и досадливо спросил:

– Это что, все?

– Санкция где?

Палыч прикрыл дверцы, проигнорировал вопрос и сел на темно-зеленый диван с когда-то полированными подлокотниками, Андрей, заглянувший перед этим в две другие комнаты и никого там не заставший, прислонился к дверному косяку.

Светочка достала дрожащими от возмущения пальцами сигарету и чиркнула зажигалкой.

– Ну, в чем дело-то?

– Да ни в чем, Светуля! Говорю ж, в гости зашли. Ты бы села, а то как не у себя, право.

Палыч угостился из брошенной Светкой на стол пачки. Андрей закурил свои.

– Чем занимаешься?

– Я обязана отчитываться?

– Ну, в общем, нет, конечно. Сейчас демократия, права человека... Но мне лучше рассказать, я пойму и попрошу следователя оставить тебя на подписке.

– Слушайте! – Светка с негодованием запахла прожженный в нескольких местах халатик. – Вам, наверное, делать не фиг. Вон, от бандюгов прохода нет, мафия в Кремле сидит, а вы херней маетесь. Чем я вам мешаю, а?

– Мы, между прочим, после тебя как раз в Кремль и собирались. К тебе зашли так, по пути, как к подучетному элементу. А заодно про Шершавого спросить. Как Шершавый-то поживает?

Андрей не страдал излишками наблюдательности, но заметил резкую перемену в поведении Свет-лампочки. Она расточительно загасила недокуренную сигарету, затрясла уже не только пальцами, но и головой, села на предложенный Палычем табурет, еще плотнее запахла халатик и, чуть замявшись, переспросила:

– Шер... Шершавый? Так он же сидит. Ему пятерик дали. Еще два года...

– А говорят, его видели тут, – первый раз за всю беседу подал голос Андрей.

– Да кто такую херню говорить может? На зоне он. Я вот месяц назад письмо от него получила. Сейчас...

Светик открыла трюмо и достала мятый конверт.

– Что пишет?

– Какая разница?

– Ждать просит? Жениться обещает?

– Не ваше дело.

– Да мне просто парня жалко. Он пишет, ждет, любит. Верит. А ты в это время с другим шары гоняешь. Нехорошо.

– С каким, с каким другим?

Андрей указал на пепельницу, в которой, кроме окурков сигарет со следами помады, сморщенно лежали хапцы «Беломора».

– Вот, сейчас окурки в ход пойдут. Это я курила!

Палыч лениво поднялся с дивана и подошел к трюмо, между стеклянными раздвижными шторками которого была вставлена выгоревшая кодаковская фотография.

– Вот он, голубчик.

На фото стоявший в плавках расписной Шершавый обнимал Светку на фоне серого водоема.

– Это еще до посадки, – пояснила Светка, – на Рижском взморье.

Андрей тоже взглянул на фотографию, разглядел повнимательней Шершавого и плюхнулся на диван.

– Сидит, значит? – Палыч воткнул фото на место. – Проверим.

– Проверяйте.

Подуточный элемент принялся усиленно кусать ногти.

– Ты полегче, полегче. Пальцы откусишь. Чего распереживалась-то?

– А вы бы не волновались? Сколько ж можно над человеком издеваться? Чуть что, сразу Тимохина. Я к вашему новому начальнику пойду! В газетах пишут, что он порядочный человек... Честный.

– Ты тоже честная?

– Да! Почестнее вас!

– Слышь, Андрюха, все кругом честные! По-моему, это не так. Иначе мы остались бы без работы. А жаловаться? Это милости просим. Главное, жалобу без ошибок напиши.

Палыч раскрыл свою форменную сумку-портфель, достал блокнот, сделал пометку.

– Так, кто тут у нас следующий? Витька Быков? Тоже честный. Все честные, мать их! Давненько у него не был. Вот и навестим. Рейд все-таки. Пойдем, Андрюха.

Светка сразу подобрела.

– Сергей Павлович, я паспорт потеряла где-то. Как восстановить можно?

– В паспортный стол. У дежурного узнай часы приема. Заплатишь штраф, получишь новый. Паспорт новый.

– Штраф? А как бы без штрафа? У меня сейчас, с деньгами не очень. Может, сказать, что украли?

– Украли?! Обмануть?! Так ты же честная!

На улице Палыч со вздохом произнес:

– Жалко, мимо темы.

– Думаешь? А может, врет? Мужик-то точно в хате бывает.

– Еще бы не было! Молодая девка, да в отдельной хате... Тут из мужиков очередь должна стоять. А Шершавый? Я в штабе уточню, но, по-моему, он еще лямку тянет. Амнистий вроде не было.

– Баба вроде не вредная, – сказал Андрей не столько Палычу, сколько себе. – На контакт пойдет.

Надо вживаться в землю, заводить дружбу с интересными людьми, превращать этих людей в Юстасов и пользоваться их услугами. Тогда не придется собирать окурки по пепельницам...

– Я, Андрюха, к себе зарулю, протокольчики на черных заберу, рейд все-таки. Назад не пойду, фиг ли мне на краже делать?

– Давай. Я-то отсвечусь на всякий случай. Вдруг начальство нагрянет, да и так...

Палыч, прыгая через лужи, скрылся за углом. Андрей усмехнулся, услышав про протокольчики. Маленькая хитрость в ответ на хитрость большую. После каждого рейда нужно отчитываться за активную работу. Чтобы все видели – рейд прошел не напрасно. Но так как на деле рейд ничем не отличался от обычных будней, в ход шли изобретения и фокусы. Заранее, в те самые будни, участковые ловили черных, рисовали протоколы за всякие там нарушения, но дату на них не ставили. Когда же начинался рейд, протоколы извлекались из сейфов, датировались нужным числом и шли в зачет. Вот и получалось: нет рейда – нет задержанных; есть рейд – пожалуйста, результат. Результат передавался в управление, откуда шел в столицу, где, видя явную пользу рейдирования, рекомендовали почаще повторять мероприятие.

Липовали не только участковые, но и все остальные. Каков вопрос, таков ответ...

Андрей поднял воротник и двинулся в направлении обворованной квартиры.

– Больше пьяных! Я говорю, больше пьяных давай! Три протокола всего! Вон, в пивняк сходите, там этого добра, как говна в стойле. Хотя бы десяточек надо сделать...

Андрей дождался, когда дежурный закончит телефонный разговор, затем доложил об обстоятельствах кражи и узнал насчет новых заяв.

Заяв пока не было.

– В канцелярию зайди, Ленка просила.

Андрей покинул дежурку и заглянул в канцелярию.

– Привет, Леночка. Скучаем? Как насчет свежих сплетен? Кстати, шеф-то где?

– Он же с утра на диктанте, в управлении.

– Где?! На каком диктанте?

– Ой, Андрюша, ты как не родной, будто не в милиции. Третьего дня пришла телеграмма. Собрать всех начальников отделов для написания диктантов. Перед этим собирали начальников райуправлений.

– Наш тоже ездил?

– А как же. На троечку вытянул. В словах «Азербайджан» и «искусство» сделал по две ошибки. Дали месячный срок подтянуться и исправить.

– И двойки были?

– Да, не повезло многим. Сложные слова попались.

– И что?

– Их уволили. Без учета прошлых заслуг. Я сегодня пальцы крестиком держу за Игоря Михайловича и ругаю его матерно.

Игорь Михайлович был начальником отдела, где трудился Андрей Воронов.

– Круто. Мы тоже будем диктант писать?

– Не исключено. Даже наверняка.

У Андрея запершило в горле.

– Хм... Ладно, ты от меня что хотела-то?

Леночка открыла сейф, на котором стоял большой зелено-голубой глобус, и достала пухлый журнал.

– Мне надо данные твоих родителей или ближайших родственников.

– Зачем? – не понял Андрей.

– Приказ пришел. У каждого начальника отдела должны быть данные родителей сотрудников.

– Зачем? – вновь спросил Андрей.

– Ну, вдруг ты провинишься? Материал просрочишь, напьешься на службе, еще что-нибудь. Тогда предков твоих вызовут и потолкуют. В воспитательных целях.

До Андрея наконец стало доходить.

– А-а-а...

Родители жили в провинции, откуда Андрей приехал искать счастья сюда, в большой, по его представлениям, город. Из ближайших родственников здесь имелась бывшая жена, сын семи лет, ну и, пожалуй, любовница. (Кстати, давно не заходил, навестить бы.)

– Ладно, записывай. – Андрей продиктовал данные своих стариков. Леночка убрала журнал.

– Где купила? – Андрей ткнул пальцем в глобус.

– Места надо знать хлебные... Это китайский. У меня подруга челноком катается. Я заказала.

– А еще нельзя?

– Извини, Андрюша... Мне и так перед ней, неудобно. Он столько места в багаже занимает. Вот еще, там материалы за тобой заявительские, срок скоро, не забыл?

– Помню, – буркнул Андрей и вышел из канцелярии.

«Айзер... Азерб... Азрей... Тьфу ты, блин. А действительно, как?»

Сосед по кабинету, Антон Михайлович Грицук, или просто Тоха, почти обрусевший хохол из-под Харькова, барабанил на машинке, сурово сдвинув брови и беззвучно двигая губами. «Вот у кого с русским просто беда», – подумал Андрей, снимая куртку.

К явно страдающей грамматике Тохи добавлялся его жуткий хохляцкий акцент. Тоха не просто «гыкал», он вообще букву «г» проглатывал. Вместо «гастроном»

– «'астроном», «гангрена» – «'ан'рена», ну и так далее.

– Ну, че'о там? – Антон оторвался от машинки и поднял глаза на Андрея.

– Глухарек. Кража через форточку.

– Я не про то. В ханцтовары заезжал?

– Да, был. Нет глобусов.

– Ну, черт! Может, шарик воздушный расхрасим или презик? У меня как раз есть один. Будет маленький 'лобус.

– Я что, Репин, шарики красить? – Андрей сел за свой стол. – А ты, халява, шел бы тоже в магазин. Я бегаю, как шестерка, а ты сидишь целый день и на машинке стучишь, Кобзарь.

– Кто-кто?

– В магазин канай! Хватит халявить.

– А кто чужое 'авно раз'резать будет? Я этому 'андону Херувимову 'лаз набыю х-хо'да-нибудь. Фи' ли подставляет, в натуре? Принял заявочку, а Х-хрицук списывай.

Антон щелкнул пальцем по заряженному в машинку листу.

Валерка Херувимов (ну, дал Бог фамилию!) работал опером в их отделе. Про него говорили, что он фанат и служебный долг ставит превыше естественных потребностей. Если за рабочий день ничего не раскроет, будет терпеть. А когда уж совсем прижмет, уестествится втихаря, с оглядкой, под благовидным предлогом или отделенческим забором.

– Что он там натворил?

– 'Алимат'я хакая-то. Два пацана в подъезде в войну и'рались с баллончиками 'азовыми. Ну, брыз'ались! Чо тахо'о, а? Тут мужик с «дипломатом». Домой шлепал с работы. В «дипломате» бабки, лимонов десять, не так мно'о. Ну и попал под 'азовую струю случайно! «Дипломат» выронил, давай бельма протирать. Пока протирал, чемодан хто-то подобрал как бесхозный. Естественно! Ты бы прошел мимо ничейно'о «дипломата»?

– Нет, наверное.

– И я бы не прошел! Да и никто бы не прошел, хромое это 'о 'андураса Херувимова! 'рабеж, 'рабеж! Какой к дьяволу 'рабеж?! Пацаны и'рались, а он сразу – 'рабеж!

– Сколько пацанам-то?

– Да малолетки! Лет по семнадцать-двадцать! Не больше. А мне теперь эту лабуду отказывать. 'ад! Натуральный 'ад!

Андрей, не ответив, пожал плечами и раскрыл папку со своими несписанными материалами. Появился упомянутый опер Валерка Херувимов.

– Мужики, дежурствами махнемся на субботу? Очень надо. Козу склеил, у нее хата пустая будет. А?

– А может, козой махнемся? – скривил губы в усмешке Грицук.

– У меня с ней серьезно.

– Это как? Под классическую музыку? Уважаю. 'рамотно.

– Смеяться можно?

– Дело твое.

– Я отдежурю, – сказал Андрей. – А ты за меня через неделю.

– Ладушки, Андрюха. – Довольный Валерка упал на диван. – Во, гляньте, сегодняшние «Вести». Интервью с нашим новым патроном.

Херувимов развернул мятую газету.

– Эх, везет нам на начальство. Так... Ага, вот: «Во главу угла я поставлю кадровую политику с учетом требований времени. Во-первых, подбор грамотных сотрудников, излагающих свои мысли без орфографических и стилистических ошибок, четко, ясно и коротко. Не секрет, что добрая половина нашего управления пишет через пень-колоду, ужасным почерком и не зная элементарных правил грамматики. Теперь при приеме на службу, помимо прочего, кандидаты будут писать обязательный диктант, а аттестованные сотрудники уже пишут. С написавшими на „двойку“ и меньше будем расставаться без всякой жалости. Пусть земля горит под ногами неучей! Вы посмотрите преступный мир совершенствуется, растет, ищет новые пути, а мы как писали „ча-ща“ через „я“, так и пишем! Я уже не говорю о „лисапедах“, „колидорах“ и прочем. И какое после этого отношение у рядовых граждан к милиции? Человек приходит за помощью, а чем его встречают? „Салафановым“ пакетом? „Малатком“? Неужели после такого человек уверует в милицию?

Да, соглашусь, что на первых порах раскрываемость преступлений несколько снизится. Но мы и не гонимся за липовыми показателями! Пора изживать порочную практику! Хватит морочить людям головы! Я вам так скажу – будет успеваемость, будет и раскрываемость! Сыщики царских времен знали по два языка, были образованными, культурными людьми! И соответственно, преступления раскрывали на высоком уровне. Это факты, а с фактами не поспоришь!...»

Валерка прервался.

– В общем, дальше в том же духе. Изучение основ классической литературы, личный контроль со стороны руководства, война преступному невежеству...

– Сегодня Михалыч диктант в Главке строчит. Как бы не слили мужика. У него тоже расхождения со словарем бывают. Жалко, если сольют.

– Да, Михалыч наш человек. Не наград ради...

Пимкнул местный телефон. Андрей снял трубку.

– Воронов, на заявку. Кража пальто из магазина. Продавцы человека на контроле задержали. Давай, машина ждет.

– Один – один, – подвел черту Андрей, вешая трубку. – Это не кража, это «палочка». Через «а».

Проходя по коридору, он увидел, как два сержанта-постовых снимают стенд с фотографиями лучших сотрудников отдела. Внизу стоял новый. «Правописание безударных гласных в корне слова».

Марина оказалась дома. Андрей не стал предварительно звонить и предупреждать, что заскочит. Вообще-то Марина никогда этого и не требовала, она всегда была рада Андрею. Сама тоже никогда не звонила и специально в гости не приглашала. И не упрекала в том, что его визиты становились все реже и реже.

Наверное, сейчас они были больше друзьями, чем любовниками. Марине стукнуло двадцать четыре, она, как и Андрей, была разведена, детей не имела и жила одна на двенадцати метрах коммунальной квартиры.

С Андреем они пересеклись пару лет назад, когда он работал в другом районе. Пересеклись, как это обычно бывает у сыщиков, по служебной необходимости. У Марины в автобусе вытащили кошелек с документами. Андрей, только что расставшийся со своей супругицей и нуждающийся в душевной поддержке, решил закадрить Марину – так, без всяких серьезных перспектив. Но эта легкая связь оказалась довольно прочной. Через неделю они стали настоящими, всамделишными любовниками, и в течение двух последующих лет Андрей и не помышлял о другой женщине. Как, впрочем, и Марина – о другом мужчине.

Трудилась Марина бухгалтером в небольшой фирме, посещала курсы иностранных языков и занятия шейпингом. Разговоров о том, чтобы скрепить их отношения прямоугольной печатью, никогда не возникало, они жили сегодняшним днем, не строя никаких планов.

– Проходи. – Марина достала из тумбочки шлепанцы. – Ужинать будешь?

– Да, я с дежурства.

Андрей прошел в комнату, снял трубку телефона и набрал номер, звоня домой, сыну.

– Паша? Это я, как дела? Молоток. Во сколько? Завтра? Ладно, постараюсь вырваться. Там, в морозильнике, пельмени, отвари. Я понимаю, что надоели. В воскресенье что-нибудь сготовлю. Нет, в субботу я дежурю, поменялся. Ну давай, я через часик вернусь.

– Все в порядке? – Марина задернула штору.

– Да, в общем. Завтра родительское собрание, а у нас рейд. Придется свинтить. У тебя так?

– Нормально. Все по-старому.

Разговор перешел на будничную колею. В обычное для последних встреч русло. Пара страшилок из жизни преступного мира, газетные сплетни, обсуждение «Поля чудес» и «Что, где, когда». Потом ужин, потом поцелуи на диване.

– Да, вот что, – неожиданно вспомнил Андрей. – У тебя в канцтоварах никого знакомых нет?

– А что?

– Глобус надо достать.

– Кому, Пашке?

– Нет, мне в кабинет.

– Зачем?

– Телеграмма из Главка пришла. Дежурные части, служебные кабинеты, опорные пункты оснастить глобусами. Распоряжение нового начальника.

– Зачем? – еще больше удивилась Марина.

«А действительно, зачем?»

– Не знаю. Там написано, что никакие рассуждения приниматься не будут. Оснастить, и все.

– Странно. У меня есть подружка в магазине. Правда, не в канцелярском, но поговорить можно. Погоди, у вас же недавно начальник сменился. Который стены заставлял красить, про- раб бывший.

«Как давно я здесь не был».

– Его уже сняли. Он краску, выделенную на ремонт, налево стал пускать да водой разбавлять. Сейчас под статьей ходит. А у нас уже новый командир. Бывший учитель русского языка и литературы. Откуда появился – никто не знает. Может, чей блатной родственник или приятель. Без мохнатой лапы не обошлось, факт. В общем, где-то даже правильно. Хоть писать без ошибок научимся, а то действительно, что ни протокол, то анекдот. Да ладно, хватит об этом. Глобус если достанешь, брякни.

– Хорошо, хотя непонятно, почему глобус, если он литератор?

Марина включила свою маленькую магнитолу и погасила большой свет.

– Ну а вы? – не успокаивалась Марина.

– В смысле?

– Это ж бред пьяный. Глобус, русский язык... Надо ведь как-то протестовать.

– От слова «протест» несет тухлой демагогией. Марши протеста, гимны протеста, ноты протеста... Любимое занятие дураков и бездельников. Завтра бросим ловить ворюг и пойдем с плакатами на площадь – протестовать. И что дальше? Испугаются?

– Мне кажется, вы просто не хотите. Или сами боитесь. Завтра вам скажут ходить на работу в юбках. Пойдете?

– Не в этом дело... Обидно и противно. И не хочется «за так» вылететь, из-за чьей-то блажи. Кому я нужен, что умею? Ничего не умею, кроме как... А насчет юбок? Да хоть в шортах полосатых, хоть вообще без штанов, дело я свое делать буду. Начальников-фантиков я уже столько насмотрелся, в глазах рябит. Пятого или шестого на моем веку сменили. Где они? Нету. А я есть. На своем месте.

Андрей насупился и уставился в пол. Из приемника полилась медленная мелодия. Марина прижалась к оперу.

– Не сердись. Ты обиделся?

– Нет, – Андрей покачал головой. Затем взглянул на часы.

– Спешешь?

– Пашка один. Я обещал через час дома быть.

Марина поправила челку Андрея, затем спросила шепотом:

– Мы сегодня будем?

«Дадите – будем», – хотел спошлить Андрей, но не стал. Да, все на этом свете рано или поздно превращается в привычку. Даже то что не может превратиться в стереотип. Любить, убивать, судить... Он погладил Марину по щеке и стал расстегивать пуговицы на ее кофточке.

Пашка смотрел телик. Какую-то мексиканскую патоку.

– Папа, ты обещал через час.

– На происшествие вызвали. Позвонить не смог. Ты поужинал?

– Да, там еще пельмени остались. Можешь доесть.

– Хорошо.

Пашке было семь лет, после развода он остался у Андрея. Редкий случай. Но жена не очень-то и настаивала. Она переместилась в другой мир, уйдя от Андрея к крупному коммерсанту. Новую жизнь надо начинать с нуля. Может быть. Андрей в ногах не валялся, остаться не просил. Даже не искал причину их разрыва. Разлюбили...

– Ты опять чепуху эту смотришь? Только глаза портишь, вон книжку лучше почитал бы.

– У меня, кроме сказок, ничего нет. Что я, маленький?

– Я куплю что-нибудь.

– Забудешь. Ты мне «Денди» когда обещал купить?

– От «Денди» еще сильнее зрение испортишь. Что там в школе?

– Четверка по математике, тройка по русскому.

– По русскому?

– За диктант. Сложный очень.

– Чтобы не был сложным, меньше смотри сериалы.

Андрей зашел в душ, пустил воду. Уставился в зеркало. Какой кошмар. Точно не Мел Гибсон. Мудак муذاком.

«Азерб... Айзер... Арзей... Вот ведь...»

На следующий день после сходимки Андрей зашел к Светке Тимохиной. Поговорить за тяжелую жизнь в беспокойное время реформ. Он давно усвоил старую истину

– формальный подход дает формальные же результаты. Для липовых отчетов и сводок. А к «людям^{note 1}» надо с душой, как бы люди этой душой не отторгались.

Сегодня Светка поинтересовалась, кто беспокоит ее покой. Андрей честно представился, но соврал, что обронил вчера в квартире дорогой «паркер» и хотел бы его немедленно вернуть. Светка купилась на этот старый прием и дверь открыла.

«Паркер» искали и, естественно, не нашли. Попутно Андрей заметил, что окурков «Беломора» без следов помады в пепельнице прибавилось. А в атмосфере тихой женской обители назойливо лез в нос мужицкий дух.

Светка сегодня не хамила, чаю-кофе, правда, тоже не предлагала. Пока Андрей искал «паркер», она стояла на пороге, давая понять что визит нежелателен и она мечтает остаться в одиночестве. Андрей заметил намеки и принялся заговаривать зубы, склоняя Светку к сотрудничеству и наводя прочный мост между элементом в лице Тимохиной и государством в своем лице. Светка реагировала нервно, реплики Андрея пропускала мимо и в конце концов заявила, что ей пора уходить. Опер решил, что на первый раз вполне достаточно, фундамент моста заложен, в следующий раз можно поставить опору (опору!), поэтому поднялся с дивана и вышел в коридор.

– Было приятно встретиться, надеюсь...

Понадеяться Андрей не успел. Дверной замок гулко щелкнул, ригель спрятался, и дверь, естественно, открылась. Андрей по милицейской привычке спрятался за угол, в коридор, и переложил пистолет из кобуры в карман. Так, на всякий случай. Светка все ж не просто – женщина, а элемент.

Предосторожность оказалась излишней. На пороге отряхивался от мокрого ноябрьского снега не кто иной, как Витка Копылов по кличке Шершавый, по всем расчетам сидевший в настоящий момент на зоне. Он почти не изменился со времен позирования в плавках на фоне Рижского взморья. Чуть похудел, что и понятно. Не на курорт катался. Шевелюру или отсутствие таковой скрывала вязаная шапочка «Фишер», ноги утопали в отечественном «Рекорде».

– Ба, Шершавый! – Андрей вышел из коридора. – Не холодно в кроссовках-то?

Шершавый резко обернулся на голос, затем метнул взгляд на посеревшую и приобретшую цвет лондонского тумана Светку.

– Кто это?

– Это... Это...

– Это уголовный розыск, – закончил Андрей. – Самый уголовный розыск в мире.

Шершавый вздрогнул, попятился к выходу, но замер, увидев направленный в лоб пистолет.

– Тю-тю-тю, – пощелкал губами Андрей. – Куда это мы?

Он редко доставал оружие, предпочитал метод убеждения, но иногда ментовский инстинкт подсказывал, что ствол в руках совсем не лишняя тяжесть. Шершавый опустил руки и устало сел на стоявший в коридоре табурет.

– Сдала?

Вопрос, судя по «а» в окончании, предназначался Светке.

– Да ты что, Витенька?! Он сам пришел! Правда, Витенька! Он ручку вчера забыл! Ну, скажите вы ему!..

Ничего не ответила рыбка...

– Сдала, значит? За сколько продалась, Иуда?

Левая ноздря Шершавого нервно задергалась.

– Не сдавала я, он...

Досказать «сам пришел» Светка не успела. Маленький Шершавый подпрыгнул с табурета и смачно засветил подруге жизни справа.

Подруга, сделав оборот, ушла волчком в конец коридора.

«Так, достроить мост теперь вряд ли получится», – подумал Андрей.

Что касается защиты Светки от физического и психического воздействия Шершавого, то мешать процессу, как того требовал долг мента и настоящего мужчины, Андрей не торопился. Тут надо подходить философски, с учетом конъюнктуры рынка. Кабы шепнула вчера Светка, что живет у нее беглый каторжник Шершавый и бомбит через форточки квартиры честных фраеров, забирая последнее, так и не приключилась бы сегодняшняя сцена-беда. Уж Андрей постарался бы сцапать Витеньку так, чтобы тот никогда не догадался, кто его, Шершавенького, вломил. Что? Любовь? Так в кодексе такая любовь называется укрывательством. Любишь, не любишь. Нет, Андрей не призывает к всеобщему стукачеству, Боже упаси! Но и словами бросаться не надо. «Честная, честная...» Вот и ходи теперь с бланшем, честная.

– Господи, да скажите вы ему!..

– Да.

– Что да?

– Я сам пришел.

Шершавый вернулся на табурет и протянул руки.

– Зря лечишь, командир. Я всего на полчаса вышел, за папиросами. Ей как раз позвонить времени хватило...

– Да мне в общем-то все равно, веришь ты или нет, – ответил Андрей, застегивая «браслеты». – Ты к стеночке повернись, пожалуйста. В какой ларек бегал за «Беломором»?

Шершавый кашлянул.

– Не помню. Там, на площади. В желтом, кажется, взял.

– Ба, да ты паровоз какой-то! – Андрей извлек наполовину пустую пачку с папиросами. – В три смычка, что ль, смолишь? А денег-то, денег... Куда это годится, Шершавый? У меня, у борца за справедливость, в кошельке моль сдохла, а безработный, ранее судимый Шершавый таскает деньги пачками!

– Нашел.

– Верю! Именно вот этому верю! Я даже знаю где. В трех квартирах на первых этажах. Там люди такие рассеянные... Си, синьор?

Витька еще раз косо глянул на размазывающую соплю Светку.

– Так где ларек, синьор? Не хочется все подряд ларьки потрошить. Светик, может, ты подскажешь?

– Пошел ты...

– И это после всего, что между нами было? Не ожидал. Прости, не ожидал.

– Слышь, командир... – Шершавый наконец-то сообразил, что, кроме Андрея и Светки, в хате никого нет. – Может, договоримся? Забирай бабки и разбегаемся. А? Давай по-людски.

– Дача взятки при свидетелях? Коррупция? Зачем тебе это, Шершавый? Возвращайся с чистой совестью на зону. Садись и сиди. А то будешь по ночам вскакивать.

– Ладно, ментяра...

– Угроза? А ведь от угрозы чиновнику до измены Родине один шаг.

– Вам поугрожаеть...

– О, сразу видно опытного человека. Светочка, сходи, пожалуйста, к соседям. Пригласи. И поищи для нашего спортсмена запасную пару обуви.

За понятыми-соседями Светка демонстративно не пошла, вот еще, но обувь добыла – стоптанные до дыр комнатные шлепанцы. Андрей приковал Витьку к батарее парового отопления, сходил за понятыми («Не пойдем, не пойдем! Потом по судам затаскают!»), переобул в их присутствии задержанного, изъясил деньги и составил протокол на форзаце, вырванном из Светкиной книги «Секреты домашней хозяйки». Затем позвонил в отдел, попросил машину, которой, как всегда, не оказалось, поэтому, пристегнув Шершавого к своей руке, он сердечно попрощался с гражданами и, сжимая под мышкой кроссовки «Рекорд», потащился на базу пешком.

По пути шлепанцы с Шершавого постоянно слетали, что сделало путешествие затяжным. Но, ура, повезло с автобусом и свободными местами для пенсионеров, инвалидов и лиц, задержанных милицией.

– Давно бегаем?

– Третий месяц.

Бумаги о розыске Шершавого в отдел еще не приходили, иначе Палыч наверняка знал бы о побеге. Андрей нисколько не удивился. Везде работают люди. Которые болеют, ходят в отпуск, берут отгулы. Или просто не спешат ввиду спокойного характера.

– А как насчет золотого правила «не сри, где живешь»? Тем более прячешься? Или ты не только здесь по окнам лазил?

– Знаешь, командир, я сейчас ваньку валять не буду. Чего мне перед тобой кривляться. Да хаты бомбил, жить-то надо. Сколько – не помню, не записывал. На протокол не возьму ничего, буду стоять в отказе. Ты ж понимаешь...

– Как не понять? Побег кражи перетянет, авторитет приподнимется, если невысок («Ох, невысок, иначе не сбежал бы!»). А признаться в случае чего никогда не поздно.

– Дуплить будете?

– Боишься?

– Не хотелось бы. Знаком с вашим братом.

– Наказания без вины... Но не дрейфь, не будем. Зачем? Лишний козырь адвокату. А с доказухой у нас все железно.

Шершавый тяжело вздохнул. Андрей не кривил душой. Хотя с доказухой было не совсем железно, но дело можно довести до логического конца и без шоковой терапии. Тряхнуть ларьки, уболтать Светку. Плюс уже найденные улики – обувь, пальчики... Никуда Шершавый не денется.

Кражи, правда, совершались не на его, Андрея, территории, и доводить дело до ума будет не он, а Женька Ермаков, сосед по коридору. С Женьки, кстати, коньячок за раскрытую серию. Женька, говорят, опер опытный, учить не надо. И ларьки потряхнет, и Светку, да и с Шершавым водочки выпьет, о судьбе-злодейке поплачется, душу вывернет. Так что смотри, Шершавый, последний раз в окошко без решеток. Пока до отдела едем.

Андрей мельком глянул на попутчика. Вор свободной от оков рукой протер запотевшее стекло и с неподдельной грустью в глазах наблюдал за проплывающей мимо улицей.

Неожиданно Андрею стало жалко Шершавого. Не высокопарной жалостью победителя, а обычной, человеческой. Витька, конечно, вор, и горя он принес людям много, чего там говорить... И что у него сейчас в шальной голове? Только не бывает такой грусти в глазах хладнокровных преступников, без совести и жалости отнимающих у людей последнее...

Шершавый потер лоб рукой, затем погладил впалые щеки со следами то ли ожога, то ли оспы, за которые, наверное, получил свою кличку, и опять прилип взглядом к автобусному стеклу.

– Ты это, Виктор... Хочешь верь, хочешь нет, но к Светке я точно случаем зашел. Рейдовали вчера по притонам, ручку оставил.

– Да я понял уже, – негромко ответил Шершавый. – Жалко, обиделась, наверное. Это я так, от влеталова, паханул. Я бумажку черкну, передашь? Нет у меня, кроме нее, никого.

– Передам.

Андрей поправил наручники, больно обжигающие запястья холодным металлом.

– Смотри-ка, Петровна, в наручниках везут, – раздался осторожный старческий шепот за спиной.

– Ворюгу поймали, наверное. Тут милиция рядом. Видела, вчера по нашему каналу ихний новый начальник выступал? Очень мне понравилось. Смелый, честный. Преступников не боится, на показатели липовые плевать хотел, правду говорит людям. Обещал грамотность повысить. Вот видишь, и результаты. Одного уже сцапали.

– Да, хороших-то людей совсем не осталось. Я думаю, Петровна, он долго не продержится, раз человек хороший. Уберут. У нас не любят правду слушать. Она многим мешает, правда-то. Вот попомни, уберут.

– Жалко.

Андрей улыбнулся и почему-то вспомнил горьковского Данко. Дурачок, зачем рвать грудь, если можно красиво открывать рот? И народ верит, и сам жив-здоров. А выход из леса как-нибудь отыщется.

«А я вру, все мне мало...»

На перекрестке стояла пара околоточных. Загадочная структура, утвержденная новым руководством. То ли менты, то ли не менты. Наверное, шеф испытывал ностальгию по статистическому тринадцатому году. В околоточные набирали только жлобов, в совершенстве владеющих родным языком, пишущих без единой ошибки, абсолютно не ругающихся матом и знающих как минимум десяток цитат из классики. Экипированы они были весьма своеобразно – ментовская форма, но вместо дубинок – длинные красные указки, а за спиной – школьные ранцы. Указками околоточные показывали дорогу заблудившимся в городе, а в ранцах хранились орфографические словари и контурные карты района. Было ли у ребят огнестрельное оружие, никто не знал, но в принципе оно и не нужно – указка всегда под рукой...

Пропустив автобус, они, по-мушкетерски гордо задрав головы, перешли дорогу.

В коридоре Андрей наткнулся на зама по воспитательной работе.

– Где тебя носит, Воронов? Велено же с утра на местах находиться! Тебе ершик подарить, чтобы уши прочистил?

– Да не говорили мне ничего!

– Педагог едет с проверкой! Глобус достал?

– Не смог.

– Почему все смогли, а ты не смог?

– Да делать мне нечего, я вон серию квартирную поднял.

– Ты на это не ссылайся. Педагогу твоя серия до одного места.

– Зато мне не до одного.

Андрей повернулся и направился в свой кабинет, где заперся на ключ и решил двери не открывать, кто бы ни заявился. «Нету меня, в рейде я. Глобус ищу».

Через минуту Андрей и на самом деле ушел из отдела, посчитав, что прятаться, как кроту в норе, унижительно. Катитесь вы все, как глобусы с горки...

Часа через три вернулся и заглянул в дежурку, где узнал, что шеф-педагог так и не приехал. То ли передумал, то ли заболел. Глобус прикрыли тряпочкой, чтобы не пылился зря.

В коридоре Андрей замер. Мать твою, что это?! Почему?!

Помдеж и резервный милиционер вели, а точнее, тащили под мышки Шершавого. Вор еле передвигал ногами, глубоко дышал и пытался идти самостоятельно. Руки были сцеплены за спиной браслетами. На правой щеке, обезображенной оспой, появился грязно-багровый отек. Шершавый морщился и не отрывал глаз от пола.

Но когда они поравнялись с Андреем, он резко вздернул голову и взглянул на опера. Андрей вздрогнул. В глазах Шершавого не было ни презрения, ни ненависти. Глаза вора были пустыми. Пустыми, как коридорная стена. Ни единого намека на чувства. Андрею неожиданно показалось, что Шершавый не видит его, что он смотрит сквозь него, словно сквозь автобусное стекло. Туда, на волю... А Андрея нет вовсе.

Квартирник вновь опустил голову и сплюнул на линолеум, прямо под ноги Андрею, кровавый сгусток.

Андрей, вспомнив что-то, сунул руку в карман и достал сложенный вчетверо лист. Быстро развернул.

«Светочка, ты извини, что так получилось, не держи зла. Все будет хорошо. Я вернусь, родная...»

Андрей метнулся к кабинету Ермакова. Женька сидел за столом и массировал пальцы, на диване валялась самодельная резиновая дубинка, длиной которой определялся путь к истине.

– На хера?!

– Ты чего?

– На хера Шершавого дуплили?

– А что, мне перед ним монолог Ленского читать? Да что с тобой?! Адвокат, что ли?

– Скотиной не надо быть, понятно?

Ермаков скривил губы:

– Скотиной?! А ты иди, спроси у людей, которых этот говнюк опустил, кто из нас скотина. Ишь ты, чистоплюй! Победителей не судят.

Ермаков стукнул ладонью по исписанному корявым почерком листку. По такому же листку, который лежал в кармане у Андрея.

– Вот! Явочка на четыре кражи. С полным раскладом – где вещички, где адреса... Так что не гони волну, Айвазовский.

– Ты же грамотный опер, Ермак. Какая нужда Шершавого дуплить? Ну, не было б у нас ничего или если б он выделялся, как карась на крючке!.. А тут поработать немножко, как договаривались, – Светка, ларьки, пальцы...

– Вот сам бы и бегал по ларькам. Я не безвинного ангела херачил, понимаешь ты?! Я ворюгу, от которого людям никакой пользы, херачил! А по ларькам мне бегать некогда. Время нынче дорого! К диктанту готовиться надо!

– К какому диктанту? – опешил Андрей.

– Чаще на работе бывай. Послезавтра пишем. В управлении. Могу учебник одолжить. – Ермаков достал из стола учебник русского языка. – А с Шершавым я еще в изоляторе поработаю. Маловато он взял. Я штук на двенадцать рассчитывал. И заметь, правильный ты наш, не для себя ведь стараюсь. Людям хочу помочь. Порядочным. Потерпевшим.

Андрей вышел из кабинета и застыл на месте. А может, прав Ермаков? Кто такой Шершавый? Вор. Который должен сидеть. Не воровал бы, так и не харкался бы кровью. И чего переживать? Министры тысячи пацанов посылают на смерть и не очень-то переживают, судя по рожам в телеящике. А тут какому-то уркагану настучали по барабану... Угомонись, Воронов.

Он прислонился к стене и уперся спиной в фанерный стенд. Развернувшись, прочитал текст. «Правила правописания...»

Опер застонал, не разжимая зубов, и со всей силы врезал кулаком по фанере. Раздался хруст. Было очень больно.

Через день Андрей сидел в актовом зале и писал диктант. Текст читал подполковник милиции, старый штабной волк с высшим гуманитарным образованием. Три здоровых омоновца в камуфляже и с шипящими рациями вразвалочку ходили между рядов и высматривали словари и учебники на коленях халявщиков. Три словаря уже было изъято, а их владельцы писали рапорты на увольнение. На бланках рапортов, размноженных на ксероксе, уже стояла

резюлюция. «Отдел кадров. Прошу подготовить документы». Подпись. Не повезло эксперту, оперу и следователю. Знатокам через «о».

Вечером объявили результат. Ермаков получил «отлично», Андрей и Антон – по «удовлетворительно». Андрей – за почерк (чертов гипс) и за ошибку в слове «брахицефал», а Антона подвело произношение – буква «г» в некоторых местах предательски исчезла.

«Тройка» не помешала обоим операм тем же вечером до чертиков, но зато от всей души нажраться на занятую у замполита сотню.

ГЛАВА 2. Дантист

Андрей сплюнул в жестяную, доверху заваленную окровавленными и мокрыми тампонами тару. Успел рассмотреть пару чьих-то удаленных гнилых зубов и окурков сигареты «Лайка». Выпрямился, запрокинул голову на валики, зажмурился и сжал подлокотники. Свет лампы нестерпимо бил в глаза, и Андрею вдруг показалось, что он на допросе. Он кожей почувствовал, как к лицу приближаются уродливые щипцы палача-дантиста, вжался в кресло.

– Шире рот, шире! Не стесняйся, не в трамвае, «вафля» не залетит.

Андрей не стеснялся, просто устал. Мужик ковырялся в его челюсти уже минут пятьдесят, периодически устраивая перекур. Лицевые мышцы давно занемели и не слушались. Вероятно, врач применял новейшую технологию – сначала пломбировал зуб, а потом его удалял. Светило стоматологии.

– Я сейчас сам тебе рот открою!

Андрей вспомнил симпатяжку в очках, рекламирующую зубную пасту. «Мой дедушка, старый маразматик, использовал для отбеливания зубов соду, а я применяю более эффективное средство – отбеливатель „Ас“. Прекрасные ощущения!» Хрусть! Хрустнуло не яблочко, откушенное девочкой. Хрустнул коренной зубик оперуполномоченного Воронова. Как скорлупка грецкого ореха. Звякнул о плевательницу и скрылся среди слюнявых тампонов. Фу-у-у...

– В регистратуре возьмешь номерок на правую четверку. Не затягивай, там пульпит. Следующий!

В коридоре Андрей вытер лоб. Прекрасные ощущения. Хорошая, кстати, пытка. Раскошелся тут же и чистосердечно.

– Ну как? Что-то ты долго. – Широколицый Палыч поднялся со скамьи.

– Му-му, – ответил цитатой Андрей.

– Понимаю. Ну что, в отдел?

– Угу.

– Ты давай в гардероб, возьми и мою шинельку, вот номерок, а я в регистратуру заскочу, там телефон есть. Говорят, депонент дают, Витька Мальцев получил сегодня.

Андрей с неким злорадством в душе посмотрел на ожидающих своей очереди несчастных, но, вспомнив про собственный пульпит, застонал. Может, нет никакого пульпита? Не болит же зуб. Брать номерок, опять дрожать в очереди, плевать в тампоны, нюхать перегар зубоживодера, плакать от нестерпимого света?

На улице, перед входом в поликлинику, Андрей выплюнул вату в сугроб, уже захарканый тампонами, и приложил горсть снега к горевшей щеке. Ка-а-айф...

К поликлинике строем подходил взвод отряда милиции особого назначения. Без песен. Жалко ребят. Легче пару заложников вытащить, чем больной зуб.

Из дверей вывалился злой, как раненый вампир, Палыч.

– Вот чего творят! Нет видишь ли, денег! Ох, аферисты! Они, чувствую, на наши деньги бизнес крутят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.